

Быстро можно «включить» в дискурс глаголы речи *беседовать, объяснять, сообщать, рассказывать* через базовый глагол *говорить* и другие известные лексемы. Например, вводим вторичный глагол *объяснять* через ситуацию с базовыми глаголами *думать, говорить, понимать* и словами *студент, преподаватель*: *‘Студент думает: «Почему это так? Я не понимаю!».* *Преподаватель говорит: «Это так, потому что... и потому что...», и потом студент говорит: «О! Я понимаю». Мы говорим: «Преподаватель объяснил...»’.*

Не менее легко, например, объяснить через базовые лексемы названия детенышей животных и многое другое. Например, слово *щенок* – через базовые лексемы *маленький* и *собака*, при этом, чтобы избежать омонимичности сочетания, можно использовать формулу аналогии *‘щенок – маленькая собака, как ребенок’*. В этой ситуации происходит межгрупповое взаимодействие и выделение новой для иностранных студентов группы.

Особенно продуктивно то, что многие лексемы взаимообъяснимы. Частичное отсутствие необходимости строго придерживаться определенного порядка (очередности этапов) введения лексем в лексикон иностранных студентов дает определенный простор в смысле допущения ситуативных (незапланированных на занятии) диалогов, что также делает этот прием методически «удобным».

Таким образом, развитие синонимических связей и формирование дефинитивных структур при изучении русского языка как иностранного являются продуктивными лингвометодическими приемами, использование которых обеспечивает создание речевых и языковых парадигм, тематико-стилистических групп и концентров, приводят к повышению усваиваемости лексики последующих этапов (после начального), способствуют расширению тематического пространства изучаемого языка.

А. В. Тучинский (Беларусь)

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Особенности национальной самобытности того или иного народа находят свое отражение в лексикографической системе языка, т. к. мир представляется человеку через призму его культуры и, в частности, языка. Естественно, что

не все лексические единицы в равной мере несут информацию о национальном характере и мировоззрении. У каждого народа есть свои представления о добре и зле, о хорошем и дурном, но у каждого из них эти представления организованы специфическим образом. Универсальными являются концепты *Бог, судьба*, на примере которых можно обнаружить определенные черты национального мировидения и миропонимания представителей двух сравниваемых языковых сообществ.

В представлении о Боге у русских и французов проявляются как сходства, так и различия. Сходство раскрывается в общих идеях о добре, любви, милосердии, спасении, каре: праведника Бог любит, неправого он покарает. Для французской языковой традиции идея кары не является принципиальной. Бог – прежде всего Вечный (*l'Éternel*). Главное – заслужить спасение после смерти, свободу. Вообще для католической традиции характерно выдвигание на первый план понятия личности, ее прав. В русской культуре образ Божий соотносится только с символом нравственности и духовности, тогда как для французов выражение *image de Dieu* включает также дополнительную символическую сему «свобода прав личности». Французская культура и здесь направлена на правовой аспект.

Таким образом, для русского национального сознания приоритетными являются идеи о Боге как о Каре, справедливом Возмездии в противовес французским представлениям о Спасении, Праве и Свободе. Это подтверждается, например, тем, что во Франции главный религиозный праздник – Рождество Христово, которое связывается с успехами цивилизации, с радостью жизни. В России, Беларуси – это Пасха, обращенная к работе душевных сил по образу и подобию Всевышнего.

Актуализация данного концепта обусловлена прежде всего тем, какое значение имеет вера людей в Бога на разных этапах развития общества. Так, в настоящее время во французской культуре наблюдается частичная девальвация концепта *Бог*. А для современной русской культуры, напротив, характерна реабилитация данного концепта после довольно длительного периода официального атеизма. В последнее время образ Божий соотносится даже с духовным возрождением нации [2].

Свидетельством тому может служить, например, сравнение современных французских и русских ругательств. В русском языке слово *Бог* в ругательствах употребляется крайне редко и носит довольно безобидный, шуточный характер. Например, *Бог весть, на обиженного Богом не обижаются, Бог знает что...* и др. В более грубых выражениях чаще всего можно встретить слово *черт* и его функциональные синонимы (*дьявол, шут, бес, леший* и др.). Например, *на кой черт, черт дернул за язык, как бес перед заутренней, за каким дьяволом, шут его знает* и др.

Во французском языке также имеется целый ряд оборотов со словом *diable*. Например, *au diable, sacré diable, tonnerre du diable, au diable soit* и др.

Но на современном этапе французы гораздо чаще используют для ругательств слово *Dieu*. Например, *tonnerre de Dieu, nom de Dieu, Bon de Dieu, de Bon Dieu* и др. В таких выражениях как *sacrebieu, morbleu, carbleu, palsambleu, vertubleu* и др. суффикс *-bleu* является завуалированным словом *Dieu* – Бог. Словарь ругательств П. Энкелля [3] приводит около 40 ругательств со словом *diabie* и более 200 со словом *dieu*. Составитель словаря утверждает, что именно данное слово и его аналоги занимают первое место в списке ругательств. Такая частота употребления делает его менее грубым и оскорбительным, хотя и осуждаемым приличным обществом. В связи с этим не следует говорить о полной девальвации концепта *Бог* во французской культуре. Вместе с тем современные тенденции вербализации свидетельствуют о его модификации.

Более бережное отношение к данному концепту в русской культуре объясняют разным этимологическим происхождением слов *Бог* и *Dieu*. Первое из них происходит от индоевропейского архетипа, означающего *дар* (распределение судьбы, благ), а второе – от другого архетипа – *duo* (два), что соотносится с легендой о создании Вселенной путем рассечения хаоса. Другие видят причину различий в представлении о Боге у двух народов в том, что славяне на 8 веков позже приняли христианство и до сих пор охотно прибегают к высказываниям, связанным с языческими суевериями. Например, *Сплюнь через левое плечо! Левая рука зачесалась, наверное, к деньгам. Не свисти – денег не будет* и др.

Интересным представляется и сравнение репрезентации концепта *судьба* в ментальности двух народов. В сознании русских его репрезентация в большей степени представлена значениями фатальности, непредсказуемости. Во французском языке наряду с данными значениями представлена и семема управляемости [1].

Все это дает основания говорить об определенных особенностях мышления французов и русских. Для русской национальной ментальности больше характерна фатальность, обреченность земного существования, тогда как французы проявляют относительную нейтральность при оценке того или иного явления.

Литература

1. *Алексеева, Е. А.* Семантические особенности лексики, связанной с обозначением культурной символики (на примере символа Бог в русской и французской лингвокультурах) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. А. Алексеева. – Саратов, 2001. – 21 с.
2. *Седых, А. П.* Этнокультурные характеристики языковой личности (на материале французской языковой личности) : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / А. П. Седых. – Саратов, 2005. – 45 с.
3. *Enckell, P.* Introduction / P. Enckell // *Dictionnaire des jurons*. – Paris : Presses Universitaires de France, 2004. – 421 с.